

Текст · 15 июля 2019, 06:01

Максим Литаврин,

Лишний вес. Краткая энциклопедия полицейских наркопровокаций

Каждый четвертый заключенный в России осужден за связанные с наркотиками преступления. По этим статьям выносятся около ста тысяч приговоров в год, и многие из них сложно назвать справедливыми и обоснованными. Изучив материалы уголовных дел и поговорив с бывшими сотрудниками МВД, Максим Литаврин описал наиболее распространенные среди наркополицейских методы фальсификации.

Подброс

Самый простой и распространенный способ посадить невиновного. Запрещенные вещества полицейские тайно подкладывают задержанному, а затем изымают их и оформляют это как хранение или покушение на сбыт. Жертву редко выбирают случайно: обычно этот человек уже находится в поле зрения оперативников или их агентов. Те, кто беднее — как правило, ранее судимые наркозависимые — становятся обвиняемыми и получают срок; у людей статусом выше вымогают взятку.

Теория. «Это проще простого»

«Менты в большинстве своем просто тупорылые. Я со столькими общался. Поверьте, действительно умных людей там единицы», — уверен бывший

сотрудник МВД из Петербурга Вячеслав Воронов^[1]
(имя изменено).

Он объясняет: полицейский, как правило, выберет самый простой и надежный способ провокации, а не какую-то сложную схему. Один из таких способов — подброс. По словам Воронова, предполагаемые жертвы делятся на две группы: те, что сядут, и те, что заплатят. Для улучшения статистики раскрытия преступлений подойдут небогатые потребители наркотиков, лучше всего — с судимостью или с условным сроком. Вымогают деньги обычно у молодых людей из обеспеченных семей.

«Задача оперативника — работать так, чтобы год закончился с положительной динамикой. К вам приходят начальники, говорят — нужно раскрытие. У вас уже на примете есть три-четыре жертвы, вы выбираете беднейшего, который пойдет на растерзание в суд. Есть раскрытие — от оперативника отстали, дальше можно зарабатывать деньги», — объясняет эту логику бывший оперативник из Москвы Дмитрий Шарапов^[2] (имя изменено).

Он уверяет, что наркотики не подбрасывают случайным людям: «Это всегда были те, кто находился в поле зрения правоохранительных органов — либо ранее судимые, либо [люди, про которых] мы знаем, что они употребляют наркотики, что могут изготавливать их или распространять. Подбрасывать простому человеку с бухты-барахты — это какой-то исключительный случай, я такое помню пару раз, это какие-то сумасшедшие вытворяли».

Важную роль в выборе жертвы играют агенты, которые, как правило, сами находятся в зависимом от сотрудников положении. «Нужно, чтобы человек оставался в здравом уме и имел определенный уровень интеллекта и склад характера, — объясняет Дмитрий Шарапов. — Это симбиоз. Человек этот находится на таком этапе, когда в ближайшее время или сядет, или умрет, и изыскивать стафф или деньги ему все сложнее и сложнее. А здесь его обеспечивают и тем, и другим. Плюс, пока в нем есть потребность, он может не бояться задержания».

Агенты могут не только сообщать информацию оперативникам, но и непосредственно участвовать в провокации. «Вот встретился объект разработки с агентом — не знаю, друзья они, знакомые, или просто закурить попросил и разговорился. Если агент нормальный, можно надеяться, что он сам сможет засунуть наркотики в рюкзак или в карман, да так, что человек сначала это может и не обнаружить», — объясняет бывший оперативник Шарапов. После встречи с агентом жертву задерживают полицейские.

«Ты понял, на кого попер?»

На видео попали манипуляции оперативника ФСБ в машине бизнесмена из Омска, в которой потом нашли кокаин

Если наркотики подбрасывают сами сотрудники, это происходит сразу при задержании: «Представьте: к вам неожиданно подступают два-три человека, еще и уронить могут. Применяют спецсредство наручники. В этот момент сунуть в карман что-то... в общем, это проще простого».

Личный досмотр задержанного и его вещей проходит в отделе полиции в присутствии понятых — Шарапов замечает, что с ними «нельзя лажать» и не стоит постоянно звать одних и тех же. Экс-полицейский Вячеслав Воронов же, наоборот, рассказывает, что большинство понятых — «карманные», они готовы подписать даже незаполненный протокол и «при них можно напихать полные карманы наркоты, а они напишут то, что нужно».

Иногда найти настоящих понятых не так-то и просто, объясняет Воронов: «Вот представьте, у вас ночное задержание, на часах 00:15. Вам нужно найти понятого. Вы выходите на улицу, а там только одинокий сверчок в траве стрекочет. На такие случаи и есть карманные понятые». При этом он согласен, что слишком часто пользоваться услугами одних и тех же понятых нельзя: прокуратура время от времени все же проверяет материалы уголовных дел.

Досмотр задержанного и его вещей важно начать не с того места, куда был подброшен наркотик, говорит Шарапов: «Где-нибудь через полторы минуты после начала — р-р-аз, и мы обнаруживаем сверток с каким-то веществом».

Дальнейшее зависит от социального статуса жертвы. Оба экс-полицейских объясняют, что в случае с человеком, уже привлекавшимся к ответственности по 228-й статье, никаких дополнительных доказательств собирать не надо. «[Судимые] — самые любимые клиенты. Ему положи в карман наркоту — его даже слушать никто не будет. Ни судья, ни следователь — никто», — объясняет Воронов. «Тут и закрепляться особо не надо, его и так однозначно осудят», — вторит ему Шарапов.

Если закрепиться — тщательно и по правилам оформить все доказательства — все же надо, оперативники готовятся к экспертизам: освидетельствованию задержанного на состояние опьянения и взятию смывов с рук. «Мы едем сначала на дутье^[3], — объясняет Дмитрий Шарапов. — [В Москве] раньше это было на Симферопольском проспекте недалеко от 17-й наркологической больницы. Никакой проблемы никогда не было: мы подъезжаем, все сидят в машине, я захожу, говорю — нужно, чтобы показало опьянение наркотическое. Никакой проблемы дать им полторы тысячи^[4] рублей не было никогда, ни разу не сталкивался с таким».

«Мы его продули, показало опьянение, — продолжает он. — Пока мы едем в машине, он сидит в наручниках. Я могу взять какую-то салфетку, что угодно, тряпку,

еще что, могу использовать какие-то перчатки, и перед этим я в них поработаю, или салфеткой протру наркотическое вещество — естественно, то же самое, что мы изымаем. Регулируя наручники, я, как бы невзначай коснусь его рук этими перчатками или тряпкой. Однозначно в ходе экспертизы покажет наличие следов [наркотического вещества на смывах с рук]».

Он отмечает две важных для последующего следствия детали: чтобы понятые дали нужные показания, и чтобы участвовавший в провокации агент вообще никаких показаний не давал. «Скорее всего, к этому моменту задержанный допрет, что случилось, он будет указывать [на агента], требовать его допросить или устроить очную ставку. Главное, чтобы его вообще не нашли», — советует бывший оперативник.

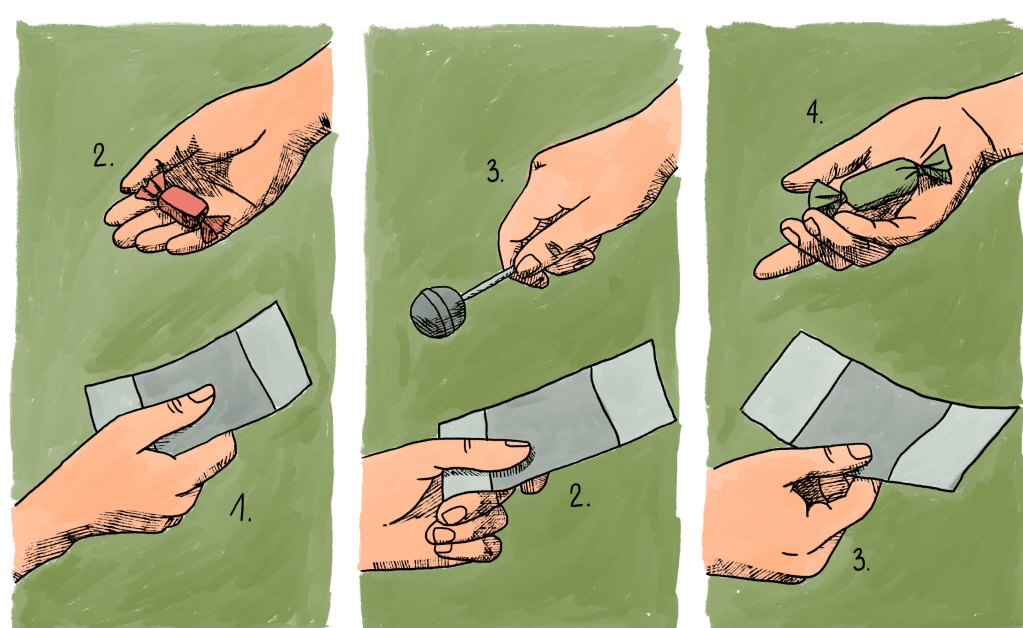

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Следователи и даже судьи понимают, что перед ними сфабрикованное дело, уверен петербуржец Вячеслав Воронов: «Просто так система отстроена — назад не сдашь. При мне была ситуация: сидят в кабинете опер, подозреваемый и следачка. Она что-то спрашивает у подозреваемого по поводу количества наркотиков, у него изъятых, и опер говорит при всех: "Да там 4,7 грамма, я сам насыпал". При следователе говорит! Но все просто посмеялись».

Даже если следователь захочет разобраться в деле, он вряд ли сможет это сделать, продолжает свою

мысль экс-сотрудник: «Ему начальство по башке треснет и скажет: "Ты что, debil, что ли? Че ты делаешь? Нам за подброс придется закрывать опера, организовывать дело внутри МВД, а это проверки, начальство полетит, проблемы будут лично у меня". Даже если человек и честный, он оказывается в такой системе, что его либо прожуют и выплюнут, либо он станет ее частью».

Угрызений совести за свои действия полицейские обычно не испытывают, замечает Вячеслав Воронов: «Для них это рабочие будни: "Поймал я этого, люлей ему ввалил, он в отказ пошел, ну, у него условка, я ему сунул в карман, он поехал". Они это обсуждают, как мы, например, говорим: "Я сходил в магазин, купил пакетик с орешками"».

Дмитрий Шарапов подчеркивает: все эти провокации применяются «в отношении людей, которых нельзя назвать законопослушными», но признает, что о некоторых из своих поступков «сожалел и сожалею, и другие сотрудники так же».

Практика. Два пакетика в кармане куртки

Холодным февральским вечером 2016 года приятель пригласил^[5] москвича Александра Борисова выпить пива. 28-летний Борисов согласился и сказал этому приятелю, Владимиру Дергачеву, что зайдет за ним. Когда молодые люди уже вместе выходили из лифта, их задержали пятеро сотрудников ФСКН.

Позже на допросе силовики утверждали: у них была информация, что молодые люди торгуют амфетамином. Борисов настаивает, что ни он, ни его

приятель подобным не занимались, а наркотики ему подбросили.

В суде он рассказывал, как после задержания их развели по разным этажам подъезда и тщательно досмотрели без понятых. Не найдя ничего запрещенного, на молодых людей надели наручники и усадили в машину. Через час досмотр повторился уже в отделе и в присутствии понятых; в этот раз у Борисова из кармана куртки вынули два свертка с каким-то порошком.

«Вы смеетесь, что ли?!» — так, по собственным воспоминаниям, воскликнул Борисов и не стал подписывать протокол. У его приятеля Владимира Дергачева снова ничего не нашли.

Оперативники, по словам Борисова, предложили ему оговорить друга и сказать, что изъятое ему продал именно Дергачев. Он отказался, и вскоре Борисова арестовали по делу о хранении наркотиков в крупном размере — в свертках оказался амфетамин массой 1,2 грамма. Избирая меру пресечения, суд подчеркнул, что у Борисова к тому моменту не истек испытательный срок, который был назначен ему вместе с условным приговором за незаконное хранение наркотиков (часть 1 статьи 228 УК).

В сентябре 2016 года Тимирязевский районный суд приговорил юношу к 4,5 годам колонии. Защита настаивала на его невиновности: свидетели видели первый досмотр без понятых, отпечатков пальцев задержанного на пакетиках не было, смывы с его рук ничего не показали, а при обыске у него дома не нашли запрещенных веществ.

Сестра Борисова говорила в суде, что общалась с оперативниками после задержания, и те признались, что подбрасывают наркотики ради статистики, и обещали оставить ее брата свидетелем, если он даст показания против товарища.

Суд отнесся к доводам защиты критически. Немногочисленным доказательствам, которые представило следствие — сам изъятый наркотик и показания оперативников и понятых — суд, наоборот, поверил безоговорочно.

После приговора Александр Борисов обратился в ЕСПЧ, который **встал** на его сторону и указал в своем решении, что доводы Борисова о подброшенных ему наркотиках можно считать обоснованными — это подтверждается в том числе и тем, что досмотр и изъятие произошли не сразу, а спустя час после задержания. Борисову присудили 9 тысяч евро компенсации. После решения ЕСПЧ президиум Верховного суда России должен отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение.

Провокация сбыта

Полицейский агент уговаривает знакомых приобрести для него наркотики, а затем расплачивается за них мечеными купюрами. Впрочем, наркотики жертва такой провокации может и не держать в руках — главное, чтобы агент под любым предлогом передал меченые деньги.

Теория. «Сбыт — это страшно, сбыт — это надолго»

Проверочная закупка — оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ), во время которого покупатель, действуя под контролем сотрудников полиции, приобретает у подозреваемого наркотики. Доказательствами сбыта в таких делах служат показания самого агента, изъятое у него вещество и обнаруженные при продавце меченые купюры. Поскольку сегодня подавляющее большинство связанных с наркотиками сделок проходит через закладки^[6], то есть без личного участия, почти все проверочные закупки последних лет — результат провокаций, считает бывший полицейский Вячеслав Воронов.

Покупатель во время таких провокаций обычно действует не по доброй воле: это может быть не постоянный агент, а человек, которого уже задержали по делу о наркотиках и угрозами вынудили участвовать в ОРМ, продолжает Воронов. Такой подставной покупатель связывается со знакомым, с которым они когда-то вместе употребляли наркотики, и настойчиво просит, чтобы тот снова достал их. Если человек согласился и передал вещества агенту, его задерживают за сбыт — эта схема может повторяться и дальше, если новый задержанный уговорит уже своих знакомых приобрести для него наркотики.

Адвокат Михаил Голиченко объясняет, что такая проверочная закупка незаконна: [статья 5](#) закона «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещает сотрудникам провокации — то есть прямое или

косвенное склонение человека к противоправным действиям. Кроме того, действия откликнувшегося на такую просьбу должны квалифицироваться не как сбыт наркотиков, а как пособничество в их приобретении, отмечает Голиченко.

Экс-оперативник Дмитрий Шарапов говорит о еще более простом способе: оформить сбыт при проверочной закупке можно даже в случае, если жертва не передавала никому наркотики. «Как все это делается, — объясняет он. — Пишется постановление о проведении ОРМ. Выдаются агенту деньги, ксерокопируются, можно маркером пометить. Вполне возможно, он никакие наркотики покупать не будет. Он отдаст [знакомому] эти деньги, например, под предлогом того, что отдает долг — что угодно может быть. Они могут быть и подброшены. Дальше происходит задержание, при досмотре [у этого знакомого] обнаруживают деньги, а агент сдает наркотики и говорит, что приобрел их у задержанного. Второй человек мог и не знать о существовании этих наркотиков».

«Мир солей». За что едва ли не единственную в России организацию, помогающую наркопотребителям, оштрафовали на 800 тысяч рублей

Подобные провокации нередко используют для вымогательства у состоятельных родителей задержанных молодых людей, продолжает бывший сотрудник: потому что «сбыт — это страшно, сбыт — это надолго».

«Здесь задержание происходит не быстро, как обычно — схватили, посадили в машину, повезли в отдел, понятые... — объясняет он. — Здесь наоборот — [тянут время,] чтобы к месту задержания успели подойти родители, взять контакты, обалдеть от происходящего, поехать с нами на дутье, увидеть, что их ребенок действительно в состоянии опьянения. Дальше понятно, что происходит: поступают предложения, на которые все всегда соглашаются».

«Опера начинают: "Во-о-от, а оно тебе надо? Учет, судимость, работу не найдешь". Человек напуган, лишен свободы, соответственно, он ведет себя по-другому и соглашается на все», — добавляет Вячеслав Воронов.

Практика. Звонок другу

В феврале 2015 года Октябрьский районный суд города Иваново приговорил^[7] 19-летнего Антона к пяти годам заключения по делу о покушении на сбыт гашиша в незначительном и значительном размерах.

Как рассказывал молодой человек в суде, летом 2014 года ему позвонил приятель по имени Сергей, который попросил его достать гашиш «для компании на день рождения». Антон решил помочь, так как время от времени они вместе с Сергеем курили гашиш и при необходимости делились им друг с другом. Знакомый настоял, чтобы Антон купил наркотики на свои деньги — долг он обещал вернуть при встрече.

Сергей, как позже выяснилось, действовал в рамках проверочной закупки и звонил Антону под давлением сотрудников ФСКН — сам он уже был подозреваемым в построенном по такой же схеме уголовном деле. За месяц до звонка Сергея задержали, когда он передавал гашиш своей подруге — та тоже очень просила помочь с покупкой наркотиков. Приговор — восемь лет колонии — ему зачитали на два месяца раньше, чем Антону.

От Антона, в свою очередь, полицейские тоже потребовали звонить знакомым и участвовать в проверочной закупке. Растерявшись после задержания, он согласился. Позже, выступая свидетелем в суде, Антон изменил показания и рассказал о провокации — несмотря на это, уже третий молодой человек, который достал гашиш на этот раз для Антона, получил 4,5 года заключения.

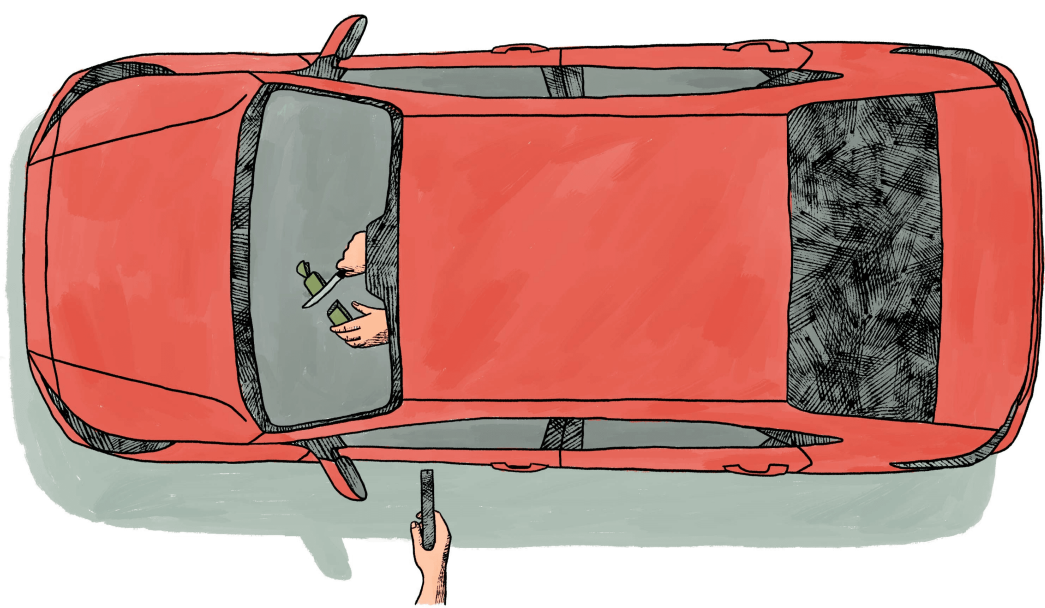

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Квалификация хранения как покушения на сбыт

Простое хранение наркотиков при правильном оформлении документов может быть квалифицировано как покушение на сбыт даже без привлечения агентов или секретных свидетелей — полицейские используют это для вымогательства или для утяжеления статьи обвинения.

Теория. «Сам его расфасовал и оформил»

Об умысле на сбыт запрещенного вещества может свидетельствовать как его количество, так и «размещение в удобной для передачи расфасовке», считает Верховный суд. Адвокат Михаил Голиченко объясняет, что в теории это соответствует международным нормам: конвенция ООН о борьбе с наркотиками от 1988 года говорит, что фасовка — один из признаков наркоторговли.

На практике же такой подход позволяет следствию искусственно утяжелять статьи и возбуждать дела о сбыте, не ведя никакой оперативной работы и даже не привлекая агентов — достаточно указать в протоколе, что наркотик был разложен по пакетикам. В таких случаях, говорит экс-сотрудник Вячеслав Воронов, деньги вымогают за то, чтобы дело все же расследовалось по статье о хранении.

«У правоохранительных органов руки развязаны. Если у сотрудника есть хоть чуть-чуть головы на плечах, хоть чуть-чуть он знает закон, он, в принципе, любого потребителя наркотиков может оформить как сбытчика», — считает адвокат Голиченко.

Это подтверждает и бывший сотрудник московской полиции Дмитрий Шарапов: «Сделать сбыт легко: я изъял достаточное количество вещества, сам его расфасовал и в таком виде оформил. Все — покушение на сбыт. Хранение, в принципе, никому особо не нужно».

«Те стандарты доказывания, которые существуют в нормальных уголовных делах, здесь не применяются, — констатирует Голиченко. — Они снижены до такой степени, что фасовка или, бывает, крупный размер расцениваются как умысел на сбыт, притом что это — только косвенное доказательство».

Следствие всегда старается направить дело в суд по как можно более тяжелой квалификации и по другой, более формальной причине. Суд может смягчить статью самостоятельно, а для ее утяжеления дело надо возвращать прокурору. «Каждое отправление дела назад — это большой минус для прокурора и для

органов следствия. Поэтому они делают все для того, чтобы этого не произошло, и квалификация была как можно более тяжкой», — замечает адвокат Голиченко.

О подобной практике «Медиазоне» [рассказывал](#) и бывший следователь МВД: «Берут [взятки] на ходе следствия за квалификацию — хранение или сбыт, кража или угон, мошенничество или взятка. Если взяток нет, следователи загоняют дело по как можно более тяжкому составу. Суд не может ухудшать положение подсудимых, а улучшать — может, например — со сбыта перейти на хранение. По нашей ментовской статистике дело ушло по тяжкому составу, и все круто, а в суде переквалифицировали — все равно сидит, нас это уже не касается».

Экс-полицейский Шарапов добавляет: с 2008 года по требованию прокуратуры при возбуждении дела о хранении наркотиков следователи должны сразу же возбудить второе — о сбыте — в отношении неизвестного, который продал эти вещества подозреваемому. «Логика такая: он у кого-то это приобрел, надо этого кого-то найти. Поэтому хранения перестали раскрывать — ты делаешь хранение, и получаешь автоматом сбыт как висяк. Стали оформлять сбыт», — вспоминает он.

Если нужно закрепить доказательства сбыта, говорят оба бывших полицейских, оперативники могут привлечь своего агента в качестве засекреченного свидетеля — не опасаясь быть пойманным на лжесвидетельстве, он скажет, что когда-то покупал наркотики у обвиняемого. Скорее всего, такой свидетель будет даже не знаком с тем, кого оговаривает.

Практика. Нарезать гашиш в такси

Подмосковный таксист Бронислав Карбиевский любил курить гашиш^[8]. В феврале 2017 года в одном из магазинов в даркнете он купил плитку гашиша весом около 70 грамм; ехать за закладкой пришлось на Лосиный остров. При заказе оператор магазина, в котором он приобретал гашиш, обещал за сделку бонус — оказалось, что в упаковке, помимо заказа, лежал один грамм *MDMA* и маленькая ампула *2C-B*. 25-летний Карбиевский положил все эти наркотики в машину и поехал таксовать.

«Стыдно даже озвучить такую проблему»

Как сын генерала ФСБ Здановича получил 10 лет колонии за плитку гашиша

Через несколько дней он решил все-таки перепрятать гашиш, разделив его на несколько кусков и прикрепив под днищем автомобиля и в моторном отсеке. За этим занятием его и задержали: случайно проходившие по двору оперативник и участковый заметили, что за рулем припаркованного во дворе *Hyundai Solaris* сидит молодой человек и режет гашиш.

Оперативник постучал пистолетом по стеклу и потребовал выйти из машины — таксист сразу же ответил «да» на стандартный вопрос о том, имеется ли при нем что-то запрещенное.

В суде Карбиевский рассказывал, что участковый с оперативником сразу же потребовали от него деньги за то, чтобы не квалифицировать порезанную плитку гашиша как попытку сбыта. Взятку вымогали и у его матери — она написала заявление в управление собственной безопасности (УСБ) МВД, и вскоре участкового задержали при получении 1,6 млн рублей. По обвинению в мошенничестве^[9] его приговорили к четырем годам условно.

Сам Бронислав Карбиевский, которого все-таки обвинили в покушении на сбыт наркотиков в крупном размере, получил 10 лет колонии строгого режима.

Манипуляции с весом

Чтобы увеличить массу изъятых у задержанного наркотиков и тем самым утяжелить обвинение, не обязательно досыпать само вещество — можно обойтись хоть сахаром, так как экспертиза не определяет чистоту изъятого и считает наркотиком всю смесь.

Теория. «Сахара или соли сверху досыпать»

Перечень запрещенных в России веществ определен постановлением правительства № 1002. В нем для каждого наркотика указано, какое количество следует считать значительным, крупным или особо крупным размером. При этом для большей части популярных у потребителей наркотиков — амфетамина и метамфетамина, *MDMA*, кокаина, героина и других — размер определяется массой смеси, а не массой чистого вещества. Это значит, что если в порошке содержатся какие-то примеси, их не будут отделять во время взвешивания на экспертизе, а посчитают все вместе — независимо от того, каков процент чистого наркотика.

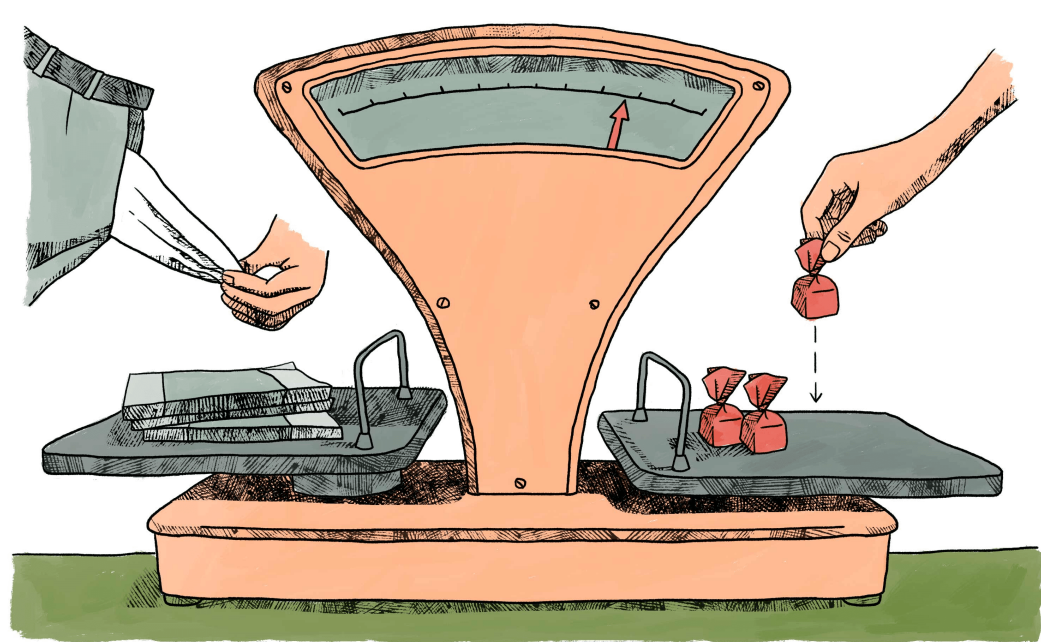

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Это позволяет полицейским манипулировать массой изъятого, говорит служивший в петербургском МВД Вячеслав Воронов: «Допустим, не очень одаренному оперуполномоченному правдами и неправдами удалось поймать человека, за которым он давно охотился, ну, у которого правда что-то [из

запрещенных веществ] есть. И тут выясняется, что у него с собой недостаточно веса для нужной статьи. Какой план созревает в голове сотрудника? Либо сахара или соли сверху досыпать, что чаще всего и происходит, либо того же наркотика».

По его словам, обычно сотрудники стараются не досыпать слишком много и прибегают к этому методу, когда нужно дотянуть несколько десятых грамма до необходимого количества.

На статистическую аномалию, связанную с весом изъятых веществ, обращали внимание сотрудники Института проблем правоприменения. Проанализировав отчетность МВД^[10] по делам о наркотиках, социолог Алексей Кнорре обнаружил, что в случае с гашишем, марихуаной и героином полицейские чаще всего изымали ровно то количество вещества, которое было необходимо для возбуждения уголовного дела по той или иной части статьи 228 УК.

В исследовании отмечалось: такие результаты напрямую не доказывают фальсификации со стороны полицейских, однако требуют объяснения. В разговоре с «Медиазоной» Кнорре уточнил, что с уверенностью можно говорить о манипуляциях с изъятым героином, потому «именно с ним нет никаких альтернативных объяснений» этой аномалии.

Проще всего, говорят бывшие полицейские, досыпать до того, как будет оформлено^[11] изъятие, но если не получается, можно сделать это и позже. «Конверт? Понятые? Это вообще ерунда, вы что, — смеется

Дмитрий Шарапов. — Конверт разорвали и снова запечатали. А понятые — ваши чоповцы, они не понимают, что происходит, в суде они скажут, что нужно сказать. Это все чушь». Подписи на конверте можно и подделать, добавляет Вячеслав Воронов: «В обычных делах никто не будет назначать почерковедческую экспертизу — ну сами подумайте, судят какого-то наркомана».

Оба они обращают внимание на то, что во время изъятия при понятых наркотик не взвешивается. «Можно хоть к эксперту знакомому подойти и сказать: мне сюда надо столько добавить, он сделает — это не проблема. Если у вас нет стаффа, вы у него покупаете. Я сам так делал», — резюмирует Шарапов.

«Дружить с операми для эксперта — моветон. Если эксперт начинал дружить с операми, почти мгновенно получал всеобщее презрение и вылетал за пьянку», — не согласен с этим бывший главный эксперт одного из областных управлений МВД Виктор Буряков (имя изменено).

Он сомневается и в том, что эксперты могут принимать участие в подобных фальсификациях: «Люди, с которыми я работал, никогда бы и не подумали идти на малейшую фальсификацию. У каждого экспертного отделения есть начальник, задача которого — не допустить подобного давления на эксперта. Было много случаев, когда реально посылали нахер оперов и, редко, следователей с их просьбами, если это было хоть капельку неправильно». При этом Буряков допускает, что с тех пор, как в 1999 году он уволился, полиция «стала совсем другой».

Практика. Хитроумный лейтенант и сахар с крахмалом

В марте 2017 года москвич Виктор Сидящих приехал к другу, вместе они приняли MDMA^[12]. Оставшиеся кристаллы этого вещества — их было совсем немного, всего 0,2 грамма — Виктор ссыпал назад в пакетик, завернул его в фольгу и убрал в поясную сумку.

Выходя из лифта по пути домой, он натолкнулся на старшего лейтенанта Евгения Толстова — полицейский потребовал показать, что у молодого человека в сумке и увидел тот самый сверток.

Виктор сам предложил «исправить ситуацию». Полицейский потребовал 300 тысяч рублей. Таких денег у Виктора не было, несколько часов звонков друзьям собрать ее не помогли — он передал полицейскому только 30 тысяч рублей — все деньги со своей банковской карточки.

Уже в отделе полицейский сказал Сидящих, что ему ничего не стоит увеличить массу наркотика. Так он и сделал: прикинув, что изъятых 0,2 грамма MDMA хватит только на административное дело, лейтенант досыпал в пакетик 3,1 грамма сахара вперемешку с крахмалом и направил эту смесь на экспертизу.

Больше 90% составляли безобидные примеси, установили эксперты, но это не помешало возбуждению уголовного дела о хранении наркотиков в крупном размере. Виктор Сидящих растерялся и сперва полностью признал вину, но затем все-таки написал на полицейского заявление в УСБ.

Попался Евгений Толстов из-за своей неосторожности. Разговаривая по мобильному телефону, который после обращения молодого человека уже прослушивался сотрудниками УСБ, полицейский советовал коллеге брать с него пример и тоже досыпать сахар задержанным с наркотиками. Коллега совету последовал и в июле 2017 года получил за это полтора года колонии.

Лейтенант же за свой совет получил год колонии, однако в декабре 2018-го ему добавили еще семь лет по другому приговору — суд признал полицейского виновным в вымогательстве взятки от Сидящих, манипуляциях с весом изъятого, а также в том, что он получил 240 тысяч рублей от мужчины, которого задержали с половиной килограмма гашиша. Еще двое полицейских получили по этому делу условные сроки.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Засада у закладки

Получив координаты закладки, полицейские не изымают наркотики, а ждут того, кто придет их забирать — у него вымогают деньги или возбуждают дело. Доступ к координатам сотрудники получают, задерживая распространителя, либо же, по одной из версий, сами владея магазинами по продаже запрещенных веществ.

Теория. «Они сидят и караулят»

«Грубо говоря, как было раньше — опера брали в оборот точку [продажи наркотиков], например, на квартире. Точка снабжала их и деньгами, и, когда надо, клиентами — такая стабильная схема по производству уголовных дел. И сейчас точно так же, только все перешло в интернет», — рассуждает Вячеслав Воронов. Он уверен, что некоторые оперативники владеют магазинами на *Hydra* — крупнейшей в России площадке, где можно купить запрещенные вещества — и работают по такой же схеме: получают прибыль и иногда задерживают своих же покупателей.

«Половина барыг — это мусора, как известно», — шутит в разговоре с «Медиазоной» владелец одного из крупных магазинов на *Hydra*. Он со скепсисом относится к версии о том, что сотрудники полиции

могут заниматься сбытом для того, чтобы постоянно кого-то задерживать: «Если в шопе будут всех принимать, его закроют, он не продержится и недели, такие правила [работы магазинов на *Hydra*]. Кроме того, мусорам такая схема длинная тупо невыгодна по времени, по затратам. Если они открывают шоп, то исключительно для сбыта, как второй бизнес».

Задержания покупателей, если речь идет не о случайном патруле, обычно происходят после того, как оперативники поймают кладмена — человека, который делает закладки — и склонят его к сотрудничеству, либо получат доступ к его аккаунту на площадке, объясняет он. Такую же схему описывает и экс-полицейский Воронов.

«Есть еще тема, когда мусора сами покупают несколько позиций, и таким образом понимают, где на местности расположены точки [с закладками]. Потом они сидят и караулят. Такое происходит чаще всего», — добавляет тот же владелец магазина.

Дмитрий Шарапов называет подобную работу с закладками «низовым уровнем»: «Это когда совсем голодное время, когда ничего [более перспективного] нет в поле зрения».

Практика. «Мы его сами сюда положили»

В 2017 году московская студентка Анна (имя изменено) приехала в Петербург, чтобы отдохнуть и повеселиться. Анна рассказывает, что знакомых, которые могли продать наркотики с рук, у нее не было, поэтому она зашла на *RAMR*^[13] и купила в одном из популярных магазинов закладку с граммом

амфетамина. Переведя деньги, студентка получила координаты, которые привели ее в тихий жилой двор на восточной окраине Петербурга.

МВД vs. RAMP: врет ли наркополиция о самой успешной операции в своей истории

Закладка лежала под камнем за мусоркой, вспоминает Анна, вокруг было тихо и безлюдно. Она забрала свою покупку, но не успела пройти и десяти шагов, как рядом появились оперативники в штатском.

«Начали досматривать мои карманы, спрашивают, где наркота. Я говорю: "Какая наркота?" — "Мы видели, что ты взяла". — "Что взяла?" — "Вот отсюда". Откидывает мне этот камень, тычет ногой в дырку из-под пака, и говорит: "Вот, вот отсюда, мы его сами сюда положили"», — пересказывает девушка их диалог.

Задержанную посадили в машину. Оперативники, по словам Анны, сказали, что ожидали увидеть Вадима

— девушка пользовалась на *РАМР* ником *Vadim N*: «То есть они были в курсе того, кто и что заказал. Либо приняли кладмена, либо это был их магазин, либо получили доступ к магазину».

Задержанную спасло то, что она «телка и умеет впадать в панику»: с нее потребовали деньги, она ответила, что их нет — только 500 рублей. Подумав, сотрудники разрешили ей оставить эту скромную сумму себе и даже подвезли до дома, утверждает студентка. При этом они не обыскивали девушку и не отбирали амфетамин, однако были уверены, что он при ней. «Мы прекрасно знаем, что у тебя с собой есть, возьми и выкинь эту дрянь, мы не будем тебя обыскивать, *** [хер] с тобой», — пересказывает она их слова.

Анна говорит, что по пути оперативники хвастались, как употребляют конфискованные наркотики, особенно любят кокаин. К амфетамину, по ее словам, полицейские отнеслись с брезгливостью, сказав, что он слишком дешев.

Редактор: Егор Сковорода

-
1. С 2003 по 2006 год работал в роте патрульно-постовой службы Красногвардейского района Петербурга; затем, до 2009 года — оперативным дежурным в Центре профессиональной подготовки МВД России в Пушкине.
 2. В двухтысячных годах работал оперативным сотрудником в отделах по борьбе с наркотиками и уголовном розыске в Москве. Карьеру закончил начальником службы криминальной милиции в одном из московских ОВД — в отставке он оказался из-за приговора по статье 286 УК (превышение должностных полномочий).

3. Медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения.
4. Собеседник уточняет, что такую сумму он платил за нужную экспертизу в двухтысячных. По его словам, современный ценник — до пяти тысяч.
5. Этот случай описан на основе имеющегося в распоряжении «Медиазоны» приговора Александру Борисову.
6. Закладка — тайник с наркотиками. Сделка происходит так: покупатель выбирает товар в одном из магазинов в даркнете, переводит деньги за него, после чего получает от оператора магазина координаты закладки с веществом и самостоятельно забирает ее.
7. Этот случай описан на основе имеющихся в распоряжении «Медиазоны» документов и рассказа матери осужденного, которого обвиняли по части 3 статьи 30, пункту «б», части 3 статьи 228.1 и части 3 статьи 30, части 1 статьи 228.1 УК. Все имена в этой истории изменены.
8. Эта история описана на основе имеющихся в распоряжении «Медиазоны» документов и рассказа подруги осужденного таксиста.
9. Такое обвинение связано с тем, что участковый не входил в следственную группу, а значит, по своей должности не мог влиять на решения следствия и выполнить те обещания, за которые получал взятку.
10. Исследование было проведено в 2017 году, при этом анализировались данные за 2013–2014 год. В этот период чаще всего у потребителей изымались гашиш, марихуана и героин — на них приходится более 58% изъятий.
11. Запрещенные вещества изымают при понятых и упаковывают в конверт, который направляется на экспертизу. Конверт опечатывается, печать скрепляется подписями всех присутствующих.
12. История описана на основе имеющихся в распоряжении «Медиазоны» документов. Имя молодого человека изменено.
13. Russian Anonymous Marketplace, до закрытия осенью 2017 года — крупнейшая в России даркнет-площадка по продаже запрещенных веществ.